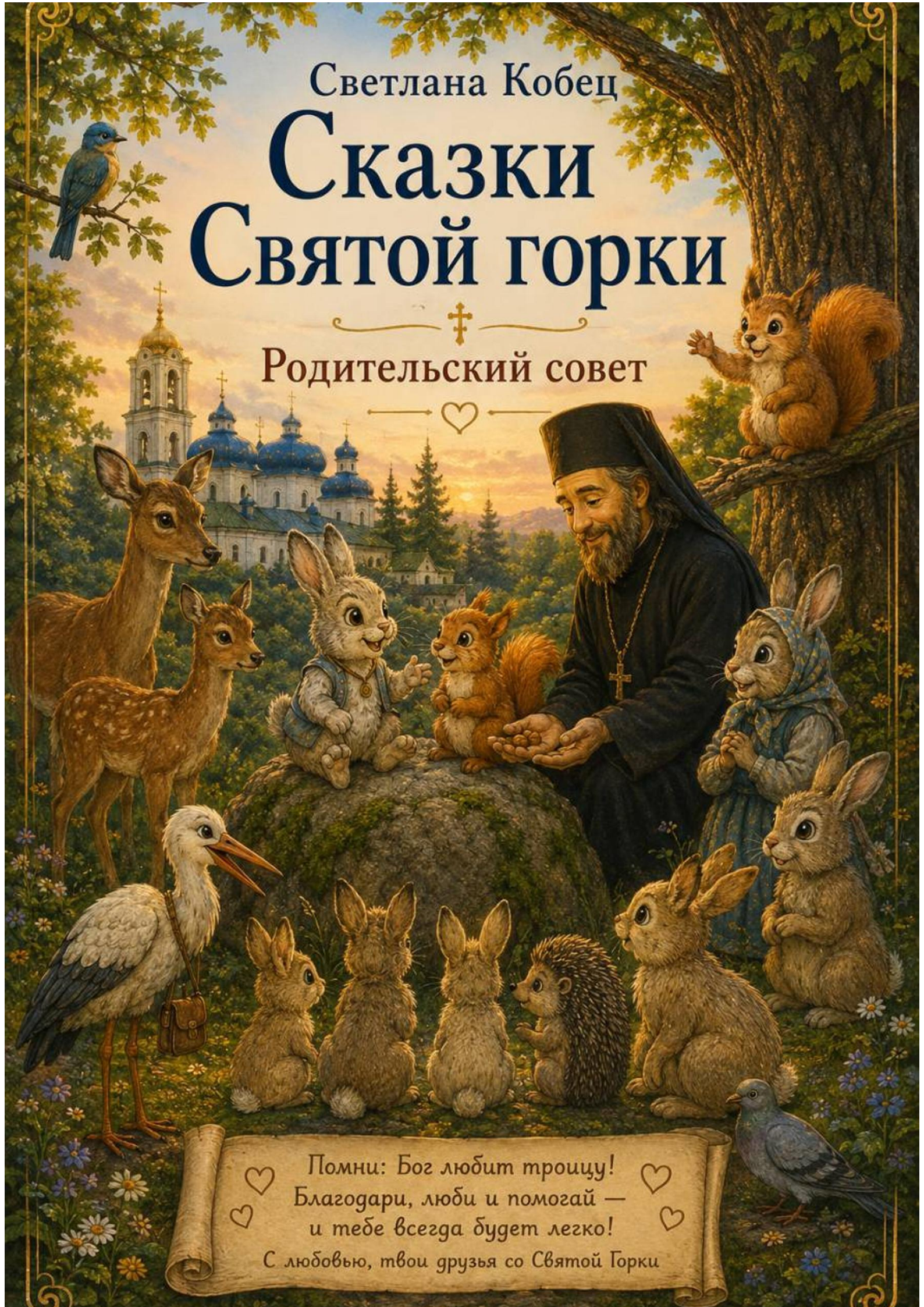

Светлана Кобец

Сказки Святой горки

Родительский совет

Помни: Бог любит троицу!
Благодари, люби и помогай —
и тебе всегда будет легко!
С любовью, твои друзья со Святой Горки

Светлана Кобец

**Сказки Святой Горки.
Родительский совет**

«Автор»

2026

Кобец С.

Сказки Святой Горки. Родительский совет / С. Кобец — «Автор»,
2026

Что делать, если ребёнок растёт? Когда помочь, когда промолчать, когда отпустить — и как любить так, чтобы от любви оставалось место для воздуха? На Святой Горке ответы знают самые неожиданные советчики. Старый Дуб попросит: «Не спеши». Мама-белка напомним: «Не подглядывай». Камень-Молчальник докажет, что молчание — тоже ответ. Лёгкий ветерок научит любить тихо, крепостные стены — смотреть сердцем, Лужайка — оставлять место для Бога. А последний совет даст сама Святая Горка: «Растите вместе». Это не инструкция по воспитанию и не сборник готовых рецептов. Это живая, добрая сказка-разговор для родителей — о детях и взрослых, которые учатся слышать друг друга, ошибаться, прощать, отпускать и расти рядом. Потому что ребёнка нельзя вырастить по инструкции. С ним можно только жить. Любить. И расти вместе.

© Кобец С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Первый совет. Почва для роста	9
Второй совет. Не подглядывай	17
Третий совет. Особый подход	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сказки Святой Горки. Родительский совет

Предисловие

От Святой Горки — родителям
Здравствуйте, дорогие взрослые.

Да-да. На этот раз я обращаюсь именно к вам.

С вашими детьми мы уже знакомы.

Они бегали по моим тропинкам вместе с Бельчонком, задирали головы к старому Дубу, присаживались возле Камня-Молчальника, смотрели на голубей, учились дружить вместе с Зайкой и искали Того, Кого нельзя увидеть глазами.

А вас я всё ждала.

Не потому, что мне есть чему вас научить.

И уж точно не потому, что я знаю, как правильно воспитывать детей.

Просто я давно живу на свете.

Я видела много детей.

И ещё больше взрослых, которые очень хотели сделать своих детей счастливыми.

Наверное, это одно из самых сильных человеческих желаний — уберечь маленького человека от боли, ошибок, разочарований, неправильных дорог. Подсказать заранее. Предупредить. Объяснить. Подстелить соломку там, где он ещё даже не собирался падать.

Всё это — от любви.

Только иногда любовь так торопится помочь, что не успевает услышать.

Вот поэтому я и позвала вас сюда.

Садитесь.

Нет, не туда.

Поближе.

Под старым Дубом есть прекрасное место. Корни у него большие, земля тёплая, а если прислониться спиной к стволу и немного помолчать, вдруг обнаруживаешь, что мир прекрасно обходится несколько минут без наших указаний.

Камень-Молчальник тоже здесь.

Он, как обычно, ничего не скажет.

И знаете...

Иногда мне кажется, что именно поэтому дети так любят сидеть рядом с ним.

Он никогда не перебивает.

Не договаривает за них фразу.

Не говорит:

— Я же предупреждал.

Не спрашивает:

— Ну что здесь непонятного?

Не торопит:

— Давай быстрее.

И даже не требует немедленно объяснить, почему сегодня грустно.

Он просто рядом.

Возможно, это и будет нашим первым родительским советом.

Хотя нет.

Давайте договоримся сразу: советов я вам давать не буду.

Несмотря на название этой книжки.

Потому что дети — не задачи, у которых где-то на последней странице учебника напечатан правильный ответ.

Один ребёнок побежит знакомиться первым.

Другой спрячется за маму.

Третий долго будет смотреть издалека.

Один нарисует солнце жёлтым.

Другой — зелёным.

А третий вообще решит, что сегодня солнца на его рисунке не будет.

И прежде чем исправлять зелёное солнце, может быть, стоит спросить:

— Расскажешь мне о нём?

Ведь рисунок ребёнка — не экзамен по рисованию. А его молчание — не обязательно проблема, которую нужно срочно решить. Иногда ребёнку требуется время, чтобы самому понять, что происходит внутри него. Поэтому так важно не ждать от него немедленного и «правильного» ответа.

Я это хорошо знаю.

Помните моего Бельчонка?

Сколько вопросов он задавал!

Он искал Боженьку и никак не мог понять, как найти Того, Кого нельзя увидеть.

Можно было сразу всё ему объяснить.

Дуб мог.

Монах мог.

Мама-белка могла подобрать нужные слова.

Но тогда не было бы путешествия.

Не было бы удивления.

Не было бы открытий.

И самое главное — не было бы того мгновения, когда чужой ответ становится собственным пониманием.

Поэтому взрослые на моей Горке не спешили отвечать за Бельчонка. А его путь через солнце, тепло, тишину Дуба и Камня постепенно помогал ему почувствовать то, что невозможно просто вложить в ребёнка готовыми словами.

Может быть, воспитание вообще гораздо меньше похоже на строительство, чем нам кажется.

Мы ведь часто говорим:

сформировать личность;

заложить качества;

воспитать характер;

научить правильно жить.

Словно перед нами материал, которому взрослый должен придать нужную форму.

А я смотрю на свой старый Дуб и думаю иначе.

Никто не вытягивает росток за верхушку, чтобы он быстрее стал деревом.

Никто не разворачивает его листья руками.

Никто не приказывает корням:

— Растите глубже!

Ему дают землю.

Свет.

Воду.

Берегут, пока он маленький.

А растёт он — сам.

Наверное, с детьми немного так же.

Им нужны наши границы и наша защита.

Наше слово.

Наш пример.

Иногда — твёрдая взрослая рука.

Но ещё им совершенно необходимо пространство, в котором можно становиться собой.

Не самым удобным.

Не самым успешным.

Не самым смелым.

Не таким, каким его уже успели представить взрослые.

А собой.

В истории Зайки именно это оказалось одним из самых важных открытий: чтобы быть принятым, ему не требовалось стать самым смелым, красивым или особенным. Ему разрешили просто быть собой — таким, каким он создан.

А ещё ему дали время.

На моей Горке никто не потребовал от нового Зайки немедленно перестать бояться, немедленно подружиться, немедленно стать «своим». Его просто приняли.

Вот об этом мы и будем говорить.

О детских страхах.

О молчании.

О рисунках.

О дружбе.

О вопросах, на которые взрослому иногда лучше не отвечать слишком быстро.

О том, почему ребёнок может рассказать Зайке то, чего пока не способен рассказать маме.

О том, как слышать чувство, спрятанное за детским «не хочу».

О том, почему совместно раскрашенная картинка иногда делает для близости больше, чем долгий воспитательный разговор. Ведь творчество рядом со взрослым действительно может становиться пространством доверия, где разговор возникает естественно, без допроса и оценки.

И, конечно, мы будем говорить о Боге.

Только, пожалуйста, не спешите объяснять ребёнку Бога.

Покажите ему любовь.

Научите благодарить.

Остановитесь вместе перед красивым небом.

Покормите птиц.

Пожалейте того, кому больно.

Попросите прощения у собственного ребёнка, если были неправы.

Помолчите рядом, когда слова не нужны.

И однажды он, возможно, сам спросит:

— А почему у меня сейчас так тепло в сердце?

Вот тогда не торопитесь.

Такие вопросы любят тишину.

В сказках Бельчонок постепенно учится «смотреть сердцем» — замечать любовь, благодарность, тепло, то есть то, что невозможно потрогать руками, но можно пережить. Именно поэтому разговор после сказки нужен не для проверки памяти ребёнка, а для встречи с его собственными чувствами.

И ещё я хочу предупредить вас об одной маленькой хитрости этой книги.

Вы открыли «Родительский совет», вероятно, думая, что мы будем говорить о детях.

Будем.

Но очень скоро может оказаться, что разговор идёт совсем не только о них.
Потому что рядом с ребёнком взрослеет и взрослый.
Учится терпению.
Учится не бояться чужих слёз.
Учится просить прощения.
Учится не сравнивать.
Не торопить.
Не проживать вместо ребёнка его жизнь.
Учится отпускать маленькую ладошку именно тогда, когда хочется сжать её покрепче.
И, пожалуй, самое трудное —
учится любить человека, не придумывая заранее, каким этот человек должен стать.
Так что я не обещаю вам книги о правильном воспитании.
Я вообще не уверена, что существует одно правильное воспитание для всех детей.
Но я приглашаю вас посидеть со мной.
Иногда с Бельчонком.
Иногда с Зайкой.
Иногда возле Дуба.
А иногда — рядом с Камнем-Молчальником.
Мы будем читать маленькие истории, задавать себе вопросы, иногда что-нибудь рисовать,
играть с детьми, разговаривать с ними.
А иногда ничего делать не будем.
Просто побудем рядом.
Потому что любовь не всегда должна что-нибудь делать.
Иногда любви достаточно быть.
Ну что?
Слышите, как шелестит Дуб?
Это он приглашает нас начинать.
А Камень-Молчальник уже приготовился молчать.
И я думаю, дорогие родители, что сегодня нам стоит последовать его примеру хотя бы
несколько минут.
Посмотрите на своего ребёнка.
Не на его оценки.
Не на поведение.
Не на способности.
Не на то, что у него получилось или опять не получилось.
Просто посмотрите.
Перед вами человек.
Маленький пока.
Но уже — человек.
И, может быть, самый главный родительский совет, который я смогу дать вам за всю эту
книгу, будет совсем коротким:
не спешите делать из него кого-нибудь.
Помогите ему однажды встретиться с собой.
А я...
Я просто побуду рядом.
Ваша Святая Горка

Первый совет. Почва для роста

Совет Дуба-Стопника

Не спеши .

Вот так.

Всего два слова.

А вы, наверное, ждали от первого Родительского совета чего-нибудь посерьёзнее?

Я понимаю.

Взрослые вообще любят серьёзные слова. Особенно когда дело касается детей.

Развитие. Воспитание. Образование. Социализация. Подготовка. Способности. Результаты. Будущее.

Будущее особенно.

Иногда мне кажется, что некоторые родители так внимательно смотрят в будущее своего ребёнка, что самого ребёнка, стоящего перед ними сегодня, почти не замечают.

Но я обещала вас не поучать.

Поэтому лучше расскажу одну историю.

Тем более что история эта случилась прямо у меня на глазах.

Под моим старым Дубом.

Вы ведь уже знакомы?

Это мой Дуб-Стопник.

Ему шестьсот четыре года.

По крайней мере, так утверждает он сам.

Проверять я не стала.

Во-первых, спрашивать у стариков паспорт невежливо.

А во-вторых, если вы прожили больше шести веков на одном месте, вам вполне можно позволить немного округлять возраст.

Дуб вообще считает себя специалистом по двум вопросам: по молчанию и по росту.

С первым Камень-Молчальник не вполне согласен.

А вот насчёт второго спорить с Дубом трудно.

В тот день возле него сидела мама.

Обычная мама.

Хорошая.

Любящая.

И очень встревоженная.

Рядом на траве возился её сын. Лет шести, наверное. Он собирал жёлуди.

Не просто собирал — он их рассматривал.

Один был круглый.

Другой вытянутый.

У третьего смешно съехала набок шапочка.

Мальчик разложил их в ряд, потом зачем-то поменял местами, потом нашёл веточку и начал что-то чертить на земле.

А мама смотрела на него и вздыхала.

— Ему осенью в школу.

Дуб шелестнул листьями.

Мама, конечно, решила, что это ветер.

— Читать не любит.

Дуб снова шелестнул.

— Считает невнимательно.

Ещё один вздох.

— Медлительный. Пока другие дети всё сделают, он ещё думает.

Тут Дуб перестал шелестеть.

Я насторожилась.

Когда Дуб перестаёт шелестеть посреди разговора, это значит, что он либо заснул, либо собирается сказать что-нибудь важное.

На этот раз не заснул.

Сверху упал желудь.

Точно возле маминой ноги.

Она подняла его.

— Видите? — спросил Дуб.

Мама оглянулась.

Когда дерево впервые начинает с вами разговаривать, человек обычно некоторое время пытается понять, не перегрелся ли он на солнце.

— Это... вы мне?

— Вам, — ответил Дуб. — Желудь видите?

— Вижу.

— Он уже дуб?

Мама улыбнулась.

— Конечно нет.

— А должен?

Она посмотрела на желудь.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он ещё маленький.

Дуб довольно зашелестел.

— Вот.

И замолчал.

Мама подождала.

— Что — вот?

— Маленький.

— Я поняла. Но при чём здесь мой сын?

— А я про вашего сына ничего не говорил.

Мама посмотрела на него подозрительно.

Старый Дуб иногда так делает.

Он задаёт вопрос, а потом оставляет человека с ним наедине.

Наверное, за шестьсот четыре года можно позволить себе не торопиться с объяснениями.

Мальчик тем временем выкопал пальцем небольшую ямку и положил туда один из желудей.

— Что ты делаешь? — спросила мама.

— Сажаю.

— Зачем?

— Хочу, чтобы вырос дуб.

Мама посмотрела вверх.

На огромную крону.

Потом на маленький желудь в земле.

И почему-то больше ничего не сказала.

А Дуб сказал:

— Хороший мальчик.

— Хороший, — сразу согласилась мама. — Только я за него волнуюсь.

— Зачем?

— Как зачем? Я же мама.

Дуб задумался.

Видимо, это был серьёзный аргумент.

— А-а-а, — наконец протянул он. — Тогда понятно.

Мама даже немного обиделась.

— Что вам понятно?

— Почему вы всё время пытаетесь его вырастить.

— А разве родители не должны растить детей?

— Должны.

— Ну вот.

— Только вы, люди, странно это делаете.

Мама подняла брови.

А я притихла.

Мне тоже стало интересно.

— Как?

Дуб пошевелил ветвями.

— Вот представьте, что ваш сын посадил этот желудь, а завтра утром прибежал проверить.

— Представила.

— Ростка нет. Что делать?

— Ждать.

— А если послезавтра нет?

— Ещё ждать.

— Через неделю?

— Ждать.

— А если ему очень хочется дуб?

Мама рассмеялась.

— Всё равно ждать.

— А если он начнёт раскапывать землю каждое утро и проверять, появились ли корни?

— Тогда желудь может погибнуть.

— А если станет тянуть появившийся росток вверх, чтобы тот рос быстрее?

— Сломает.

Дуб помолчал.

— Вот и я о том же.

Мама перестала улыбаться.

А мальчик ничего этого не слышал.

Он аккуратно засыпал желудь землёй и теперь строил вокруг него маленькую ограду из веточек.

— Но ребёнок ведь не дерево, — сказала мама.

— Конечно, нет. С детьми сложнее. Деревья хотя бы не записывают на четыре кружка одновременно.

Мама засмеялась.

Я тоже.

Даже Камень-Молчальник, кажется, стал немного теплее.

— Я хочу дать ему возможности, — сказала мама.

— Давайте.

— Хочу, чтобы он развивался.

— Пусть развивается.

— Чтобы не отставал.

Дуб вздохнул.

Старые деревья умеют вздыхать совершенно особенно. Сразу всеми листьями.

— Вот это ваше «не отставал» мне никогда не было понятно.

Он протянул одну ветку к молодой рябинке, росшей неподалёку.

— Видите её?

— Да.

— Она ниже меня.

— Конечно.

— Значит, отстаёт?

Мама улыбнулась.

— Нет.

— А вон берёза тоньше.

— И что?

— Недоразвитая?

— Ну что вы!

— Тогда почему с детьми всё время кто-то от кого-то отстаёт?

Мама ничего не ответила.

— Один заговорил раньше. Другой позже. Один побежал, другой долго ходил за руку.

Один первым полез знакомиться, а другой полчаса стоял возле мамы и смотрел. И вы всё это измеряете.

— Но существуют же нормы.

— Конечно, существуют, — спокойно ответил Дуб. — И взрослые должны знать, когда ребёнку действительно нужна помощь. Я не предлагаю вам закрывать глаза. Я предлагаю **смотреть на ребёнка, а не только на таблицу.**

Вот тут я особенно внимательно прислушалась.

Потому что это было важно.

Не торопить — не значит не замечать.

Не торопить — не значит оставить ребёнка одного со всем, что ему трудно.

Ростку тоже помогают.

Его поливают.

Закрывают от заморозков.

Иногда подвязывают, если ветер слишком сильный.

Лечат, если он заболел.

Но никто не ругает росток за то, что в четверг он оказался на два сантиметра ниже соседнего.

У роста есть условия.

И есть время.

Одно нельзя заменить другим.

— А что же тогда делать? — тихо спросила мама.

Дуб посмотрел вниз.

Хотя я до сих пор не понимаю, чем именно смотрят дубы.

— Почву готовить.

— Какую почву?

— Для роста.

Мама замолчала.

А Дуб начал считать.

— Земля.

— Это что?

— Дом, в котором ребёнку не нужно каждый день доказывать, что он достоин любви.

Мама посмотрела на сына.

— Вода.

— Забота?

— Догадливая.

— Солнце — любовь?

— Разумеется.

— А воздух?

Дуб немного подумал.

— Свобода.

— Полная?

— Нет, конечно. Полная свобода хороша для одуванчиков. Они разлетаются куда хотят.

Мама снова засмеялась.

— Ребёнку нужны границы, — продолжил Дуб. — Они тоже часть заботы. Маленькому деревцу иногда нужна опора. Только опора — это то, на что можно опереться. А не палка, которой его выпрямляют.

Мама снова посмотрела на сына.

Он уже закончил ограду и теперь принёс в ладошках воду.

Очень мало.

Почти всю расплескал по дороге.

Но несколько капель всё-таки попали на землю.

— А ещё? — спросила мама.

— Ещё что?

— Что нужно для роста?

Дуб долго молчал.

Потом сказал:

— **Время.**

— И всё?

— А вам мало?

Мама улыбнулась.

— Иногда очень трудно ждать.

— Знаю.

— Хочется помочь.

— Помогайте.

— Подсказать.

— Подсказывайте, когда нужно.

— Уберечь от ошибок.

— От опасности — берегите. А от всех ошибок не надо.

— Почему?

С ветки снова сорвался желудь.

На этот раз он упал далеко от Дуба и покатился по траве.

— Потому что некоторые корни появляются только после собственной ошибки.

Мама задумалась.

И тут Дуб вдруг спросил:

— Скажите, а куда вы спешите?

— Я?

— Вы.
— Никуда.
— Тогда почему всё время торопите его?
Она открыла рот.
И закрыла.
А потом посмотрела на сына.
Не на будущего первоклассника.
Не на ребёнка, который медленно читает.
Не на мальчика, которому нужно подтянуть счёт.
Просто на своего шестилетнего сына.
Он сидел на земле.
На носу у него была грязь.
На коленях тоже.
В ладони лежали три желудя.
И он был совершенно счастлив.
— Мам! Смотри!
Она подошла.
— Вот этот я посажу здесь. А этот возьмём домой. А третий...
Он задумался.
Мама уже хотела подсказать.
Я видела.
Слова почти появились у неё на губах.
Но она остановилась.
Подождала.
— А третий подарим папе! — наконец решил мальчик.
— Хорошо.
И всё.
Ничего великого не произошло.
Ребёнок просто закончил свою мысль сам.
Но старый Дуб вдруг очень довольным зашелестел.
Вечером они ушли.
Мальчик держал маму за руку, а в другой нёс два желудя.
Один для дома.
Другой для папы.
А третий остался в моей земле.
Не знаю, станет ли он когда-нибудь таким же большим, как Дуб-Столпник.
Может быть.
А может быть, нет.
Не каждый желудь становится шестисотлетним дубом.
И не должен.
Но пока он лежит в земле, у него есть всё необходимое.
Почва.
Вода.
Солнце.
Воздух.
И время.
— Ну что? — спросила я у Дуба, когда они скрылись за поворотом. — Доволен?
— Чем?
— Хороший совет дал.

— Какой ещё совет?
— Не спешить.
Дуб возмутился:
— Я ничего такого не советовал.
— А что же ты делал целый час?
— Разговаривал.
— О росте.
— О жёлуде.
Я рассмеялась.
Он помолчал.
А потом добавил:
— Я вообще не люблю советовать родителям.
— Почему?
— Потому что они после хорошего совета немедленно бегут применять его к ребёнку.
— А что в этом плохого?
— Иногда ничего. А иногда ребёнку опять не дают спокойно расти.
Я задумалась.
— Тогда зачем мы пишем «Родительский совет»?
Дуб шелестнул листьями.
— Чтобы родители иногда советовались **с собой**.
Вот старый хитрец.
Наверное, поэтому он и прожил шестьсот четыре года.

О чём сегодня прошелестел Дуб

Не торопить ребёнка — не значит перестать помогать ему.
Это значит различать **помощь и спешку**.
Если ребёнку действительно трудно — взрослый рядом. Если нужна поддержка — поддерживает. Если необходим специалист — обращается за помощью.
Но не всё, что происходит медленнее наших ожиданий, нужно немедленно исправлять.
Зайке на Святой Горке тоже позволили не становиться «своим» мгновенно. Его не торопили и не требовали немедленной смелости — именно принятие создало для него пространство безопасности, в котором он смог постепенно раскрыться.
Иногда лучшая почва для роста звучит очень просто:
«Я рядом . У тебя есть время» .
Попробуйте не спеша
Сегодня хотя бы один раз не заканчивайте за ребёнка предложение.
Не подсказывайте сразу.
Не показывайте, как сделать быстрее.
Не исправляйте в ту же секунду.
Подождите.
Совсем немного.
И посмотрите, что произойдёт, если освободившееся пространство займёт **сам ребёнок**.
Возможно, ничего.
А возможно, вы впервые увидите, как появляется маленький корешок самостоятельности.

Вопрос Святой Горки

А теперь вопрос только для вас.

Его не нужно обсуждать с ребёнком.

Когда вы в последний раз смотрели на своего ребёнка , не думая о том , каким ему ещё предстоит стать ?

Не отвечайте сразу.

Камень-Молчальник говорит, что некоторые ответы лучше немного поддержать в тишине.

А Дуб добавляет:

— Не спеши.

В конце концов, рост — не вирус.

Им невозможно заразиться побыстрее.

Для него нужна хорошая почва.

И любовь.

А ещё — время.

Второй совет. Не подглядывай

Совет мамы - белки

Не подглядывай .

Да.

И не подсказывай.

Хотя бы не сразу.

Знаю, дорогие родители, сейчас многие из вас возразят:

— А зачем тогда вообще нужны взрослые, если ребёнку ничего не подсказывать?
Нужны.

Ещё как нужны.

Просто иногда ребёнку нужен взрослый, который знает ответ.

А иногда — взрослый, который **умеет его не сказать**.

Поверьте, второе гораздо труднее.

Особенно мамам.

Я давно наблюдаю за мамами.

У человеческих мам и у моих лесных мам удивительно много общего.

Они умеют одновременно заметить, что ребёнок голоден, замёрз, устал, куда-то полез, что-то потерял, неправильно застегнул, слишком далеко отошёл и вообще подозрительно давно молчит.

А ещё мамы обладают удивительной способностью заранее знать, чем всё закончится.

— Упадёшь.

— Промочишь ноги.

— Потеряешь.

— Не получится.

— Там ничего нет.

И самое обидное — довольно часто они оказываются правы.

Наверное, именно поэтому мамам так трудно молчать.

Моя мама-белка — не исключение.

В тот день она сидела возле дупла и перебирала орешки.

Один — в кладовую.

Другой — туда же.

Третий...

Тоже в кладовую.

У белок вообще довольно однообразная система хранения продуктов.

А Бельчонок прыгал с ветки на ветку.

Потом спустился.

Потом снова поднялся.

Потом зачем-то обошёл Дуб с другой стороны.

Потом вернулся.

— Мам!

— Что?

— А где Зайка?

— Не знаю.

— Он сказал, что будет возле Камня.

— Значит, возле Камня.

— А его там нет.

— Значит, ушёл.

Бельчонок задумался.

— Куда?

Мама-белка знала.

Она видела Зайку минут десять назад. Он проскакал к монастырской стене, где на тёплой траве сидели голуби.

Ей достаточно было сказать:

— Иди к стене.

Два слова.

И Бельчонок через минуту нашёл бы друга.

Мама уже открыла рот.

И закрыла.

— Не знаю, — сказала она.

Я всё видела.

— Неправда, — тихо сказала я.

Мама-белка вздрогнула.

— Что?

— Знаешь.

— Тише ты!

Она оглянулась на Бельчонка.

Тот ничего не услышал.

— Зачем обманываешь ребёнка? — спросила я.

— Я не обманываю.

— Ты знаешь, где Зайка.

— Знаю.

— А сказала, что не знаешь.

Мама-белка нахмурилась.

— Хорошо. Неправильно сказала. Надо было сказать: «Попробуй найти сам».

— Вот.

— Что — вот?

— Уже лучше.

Она посмотрела на меня.

— Горка, ты сегодня опять решила воспитывать родителей?

— Боже упаси. Мы только во второй главе.

Мама-белка фыркнула.

А Бельчонок тем временем сидел на нижней ветке и размышлял.

— Если его нет возле Камня... — сказал он самому себе, — значит...

Мама-белка напряглась.

Я видела, как ей хочется закончить:

«Значит, он у стены!»

Но она удержалась.

— Значит... — повторил Бельчонок.

Пауза.

Мама посмотрела на меня.

Я — на неё.

— Ну сколько можно думать? — прошептала она.

— Шесть секунд.

— Уже?

— Семь.

— Это долго.

— Для кого?
Она хотела что-то ответить, но тут Бельчонок вскочил.
— Голуби!
— Что голуби?
— Зайка вчера говорил, что хочет спросить у голубей, почему они не падают с крыши, когда спят!
— И?
— Значит, надо искать там, где голуби!
И убежал.
Мама проводила его взглядом.
— А ведь к стене пошёл.
— Представляешь.
— Я же знала.
— Конечно.
— Могла сразу сказать.
— Могла.
Она немного помолчала.
— И что?
— Ничего.
— Горка!
— А что ты хочешь услышать?
— Ну... какую-нибудь мудрость.
— От меня?
— Ты же книгу для родителей пишешь.
— Ах да.
Я подумала.
— Ты сэкономила бы ему минуту.
Мама-белка посмотрела вслед сыну.
— И?
— И лишила бы его маленького открытия.
Она перестала перебирать орехи.
Вот здесь, дорогие родители, я хочу остановиться.
Потому что это одна из самых незаметных вещей, которые происходят между взрослыми и детьми каждый день.
Мы подсказываем.
Из любви.
Из заботы.
Из желания помочь.
Из экономии времени.
Иногда просто потому, что **знаем**.
Ребёнок собирает конструктор:
— Не туда.
Рисует:
— Сначала надо вот это.
Решает задачу:
— Ты неправильно начал.
Рассказывает:
— Нет, ты хотел сказать...
Ищет:

— Да вот же!
Думает:
— Ну что тут думать?
А потом однажды взрослый удивляется:
— Почему ты сам не можешь решить?
Может быть, потому, что рядом слишком долго находился человек, который решал
немного раньше.
Не вместо него целиком.
Нет.
Всего на полшага раньше.
Но каждый раз.
Мама-белка всё ещё сидела возле дупла.
— А если он ошибётся? — спросила она.
— Кто?
— Бельчонок.
— Ошибётся.
Она даже выронила орех.
— Вот так спокойно?!
— А что случилось?
— Ты сказала: «Ошибётся».
— Конечно.
— Почему конечно?
— Потому что он живой.
Мама подняла орех.
— Я бы предпочла, чтобы он ошибался пореже.
— Все мамы предпочли бы.
— Вот именно.
— И желательно только в тех местах, где вы заранее постелили мягкий мох.
Она подозрительно на меня посмотрела.
— Ты смеёшься?
— Немножко.
— А если ошибка серьёзная?
Вот теперь я перестала смеяться.
— Тогда ты мама.
Она молчала.
— Если впереди опасность, — продолжила я, — ты не сидишь на ветке и не наблюдаешь,
какое решение примет Бельчонок. Ты хватаешь его за хвост.
— За хвост?!
— Образно.
— Надеюсь.
— Там, где ребёнок ещё не способен оценить опасность, решение принимает взрослый.
Там, где ему нужны знания, взрослый объясняет. Там, где необходимы границы, взрослый их
устанавливает.
— А где тогда не вмешиваться?
— Там, где цена ошибки — опыт, а не беда.
Мама задумалась.
— Как понять разницу?
— Вот это уже твоя взрослая работа.
Она вздохнула.

— Я так и знала, что всё самое трудное оставят родителям.
— Конечно. Дети заняты. Они растут.
Бельчонок вернулся довольно быстро.
Один.
— Не нашёл? — спросила мама.
— Нашёл.
— А где Зайка?
— Там.
— Почему ты один?
— Мы поссорились.
Мама-белка мгновенно отложила орехи.
Вот теперь началось настоящее испытание.
— Из-за чего?
— Не скажу.
— Он тебя обидел?
— Нет.
— Ты его?
— Не знаю.
— Что случилось?
— Ничего.
Знакомо?
У человеческих детей это «ничего» тоже прекрасно получается.
Особенно когда внутри происходит примерно всё.
Мама-белка пересела ближе.
— Хочешь рассказать?
— Нет.
Пауза.
— Хорошо.
И снова взялась за орехи.
Я удивилась.
Даже я.
— И всё? — тихо спросила я.
— А что?
— Не будешь выяснять?
— Он сказал, что не хочет.
— А вдруг ему нужна помощь?
Мама-белка посмотрела на меня.
И впервые за сегодняшний день улыбнулась.
— Горка, не подглядывай.
Вот ведь.
Быстро учатся эти мамы.
Прошло несколько минут.
Бельчонок сидел рядом.
Молчал.
Мама перебирала орехи.
Один.
Другой.
Третий.
Потом Бельчонок спросил:

— Мам?
— М-м?
— А если друг сделал не так, как ты хотел, он плохой друг?
Мама замерла.
Вот он.
Вопрос.
И я сразу поняла: **она знает ответ.**
Конечно знает.
Можно было сказать:
«Нет, дружба не означает, что другой всегда поступает так, как ты хочешь».
Очень хороший ответ.
Правильный.
Мудрый.
Взрослый.
Мама-белка посмотрела на сына.
— А ты как думаешь?
Бельчонок нахмурился.
— Не знаю.
— Давай подумаем.
— Вместе?
— Вместе.
Он придвинулся ближе.
— Зайка не захотел играть в мою игру.
— И ты рассердился?
— Да.
— Значит, он плохой?
— Я сначала подумал, что плохой.
— А сейчас?
Бельчонок болтал хвостом.
— Не знаю.
Мама ждала.
Я тоже.
Даже Дуб, кажется, перестал шелестеть.
— Мам...
— Что?
— А я ведь тоже иногда не хочу играть в его игры.
— Бывает.
— И я же не плохой?
— Как ты думаешь?
Бельчонок посмотрел на неё.
Потом вдруг рассмеялся.
— Нет!
— Значит?
Он вскочил.
— Значит, Зайка тоже не плохой!
И помчался обратно.
Мама-белка смотрела ему вслед.
— Ну? — спросила она меня.
— Что — ну?

— Я ничего не сказала.

— Совсем.

— А он понял.

— Представляешь.

— Сам.

В её голосе было столько удивления, будто Бельчонок только что самостоятельно изобрёл орех.

— Знаешь, что самое трудное? — спросила она.

— Что?

— Я всё время знала ответ.

— Конечно.

— И всё время хотелось сказать.

— Конечно.

— А если бы сказала?

Я посмотрела туда, куда убежал Бельчонок.

— Он получил бы твой ответ.

— Он же правильный.

— Правильный.

— Тогда в чём разница?

— Сейчас у него появился **свой**.

Мама-белка долго молчала.

А потом сказала:

— Это действительно другое.

Да.

Другое.

Дорогие родители, я вовсе не предлагаю вам теперь отвечать на каждый детский вопрос вопросом.

Иначе через пару дней ребёнок спросит:

— Мам, где мои носки?

А вы загадочно произнесёте:

— А ты как думаешь?

И никакой сказкотерапией это уже не объяснить.

Иногда носки — это просто носки.

Иногда ребёнку нужна информация.

Иногда — объяснение.

Иногда он спрашивает именно потому, что доверяет вашему опыту.

Отвечайте.

Рассказывайте.

Учите.

Делитесь тем, что знаете.

Но прежде чем дать ответ на вопрос, который касается его чувств, отношений, выбора, понимания себя, попробуйте иногда задержаться на несколько секунд.

В анализе наших сказок такие вопросы названы не проверкой памяти, а способом помочь ребёнку войти во внутренний диалог, сопоставить себя с героем и перенести пережитое в сказке в собственную жизнь.

Может быть, вместо:

— Вот как правильно,
спросить:

— А ты как думаешь?

Вместо:

— Ты обиделся потому, что...

— Что ты сейчас почувствовал?

Вместо:

— Тебе надо помириться.

— Как ты думаешь, что можно сделать?

Вместо:

— Не бойся, здесь нечего бояться.

— Как тебе кажется, чего сейчас боится твой Зайка?

Через героя ребёнка иногда легче рассказать то, что трудно сказать от собственного имени. В анализе сказок именно такой безопасный разговор через персонажа предлагается как способ дать ребёнку возможность проговорить переживание без прямого давления.

И ещё кое-что.

Не подглядывать — значит уважать тайну роста .

Не всякую мысль ребёнок обязан немедленно показать взрослому.

Не каждое чувство способен сразу назвать.

Не всякий вопрос требует ответа сегодня.

Иногда он скажет:

— Не знаю.

И это не пустота.

Возможно, именно в эту минуту внутри него начинается поиск.

Не торопитесь заполнять его своими словами.

Помните Камень-Молчальник?

Вот кто никогда не страдает от необходимости вставить последнее слово.

Наверное, поэтому возле него так хорошо думается.

О чём сегодня рассказала мама-белка

Родительский ответ может быть совершенно правильным.

Но правильный ответ взрослого и собственное открытие ребёнка — не одно и то же.

Бельчонок с самого начала наших сказок был Ищущим героем: он задавал вопросы, пытался понять невидимое, искал и постепенно приходил к собственному пониманию. Именно возможность идти за ним, а не получать готовые ответы, позволяет маленькому читателю безопасно проживать свой внутренний поиск.

Поэтому иногда родительская мудрость заключается не в том, чтобы знать ответ.

А в том, чтобы понять:

сейчас мой ответ нужен — или сейчас нужно моё присутствие ?

Это разные вещи.

Попробуйте не подглядывать

Сегодня поймите один момент, когда вам очень захочется немедленно подсказать ребёнку.

Всего один.

Если ситуация безопасна — подождите несколько секунд.

Не проверяйте.

Не торопите.

Не заканчивайте мысль.

А потом спросите:

— А ты как думаешь ?

Если ребёнок ответит:

— Не знаю,
не пугайтесь.
Скажите:
— **Хорошо. Давай подумаем .**
И побудьте рядом.
Не экзаменатором.
Не подсказчиком.
А человеком, с которым можно искать.

Вопрос Святой Горки

А теперь мой вопрос взрослым.
Только не подглядывайте друг у друга ответы.

Что для вас труднее : позволить ребёнку ошибиться — или обнаружить , что он способен найти решение без вас ?

Не спешите отвечать.
Мама-белка тоже не сразу ответила.
А вечером, укладывая Бельчонка в дупле, она вдруг спросила:
— Сынок?
— М-м-м?
— А если однажды ты задашь мне вопрос, а я не буду знать ответа?
Бельчонок подумал.
— Тогда спросим у Дуба.
— А если и он не знает?
— У Камня.
— Камень вообще не отвечает.
— Вот и хорошо.
— Почему?
Бельчонок уже почти спал.
— Значит... сами придумаем.
Мама улыбнулась и укрыла его хвостиком.
А потом тихо сказала мне:
— Знаешь, Горка... кажется, я поняла.
— Что?
— Иногда самое трудное — не когда мама не знает ответа.
— А когда?
Она посмотрела на спящего сына.
— **Когда знает. И всё-таки ждёт.**
Вот это, дорогие родители, и есть наш второй совет.
Не подглядывай .
У вашего ребёнка впереди целая жизнь.
Пусть хотя бы некоторые ответы в ней будут его собственными.

Третий совет. Особый подход

Совет мамы - зайчихи

Успокойся.

Да.

И прежде чем вы возмутитесь, дорогие родители, сразу уточню: это я сейчас не ребёнку.

Это — вам.

Потому что иногда ребёнку страшно.

А иногда ребёнку страшно, **и рядом ещё очень страшно его маме.**

Вот тогда страх почему-то становится гораздо больше.

Я это однажды видела.

И, признаться, сама испугалась.

Хотя мне, Святой Горке, пугаться вроде бы не положено.

Но попробуйте сохранить философское спокойствие, когда маленький Зайка запутался в крыжовнике, колючие ветви держат его со всех сторон, он мечется, мама-зайчиха уже почти не дышит, папа-заяц не знает, с какой стороны подступить, а остальные стоят вокруг и дают советы.

Последнее, кстати, особенно помогает.

— Не дёргайся!

— Осторожно!

— Назад!

— Нет, вперёд!

— Лапку подними!

— Другую!

— Я же сказал — другую!

Зайка дёрнулся ещё сильнее.

Колючки вцепились в шерстку.

— Мамочка!

У мамы-зайчихи душа тут же убежала в пятки.

У папы, думаю, следом.

И у меня тоже где-то неподалёку оказалась.

А знаете, что самое неприятное?

Чем больше взрослые хотели помочь, тем хуже становилось.

Потому что Милый Зайка был новосёлом.

Он ещё не знал всех моих дорожек.

Не знал, где можно спокойно пройти, а где кусты растут так тесно, что даже Бельчонок туда не суётся.

Хотя Бельчонок, конечно, утверждает, что суётся везде.

Это неправда.

В крыжовник он не суётся.

Один раз попробовал.

Хватило.

А Милый Зайка не знал.

Он увидел хорошую тропинку.

Потом ещё одну.

Потом ему показалось, что за кустом можно пройти быстрее.

А за кустом оказался другой куст.

Потом третий.

И вот уже длинные колючие ветви держали его за шерстку, за бок, за заднюю лапку, а одна особенно нахальная колючка уцепилась почти за самое ухо.

— Не трогайся! — закричала мама.

Зайка замер.

Потом увидел, что мама бежит к нему.

И почему-то испугался ещё сильнее.

— Мамочка, я не могу!

— Сейчас! Сейчас я тебя вытащу!

Она схватилась за ветку.

— Подождите, — сказал кто-то совсем спокойно.

Это был монах.

Он шёл по дорожке и остановился рядом.

— Подождите, матушка.

— Как подождите?! — мама-зайчиха почти плакала. — Он запутался!

— Вижу.

— Ему больно!

— Вижу.

— Надо его вытаскивать!

— Надо.

— Тогда почему вы говорите ждать?

Монах посмотрел на Милого Зайку.

Тот дрожал.

— Потому что сейчас он не слышит нас.

Мама-зайчиха тоже посмотрела на сына.

— Как не слышит? Я же с ним разговариваю!

— Вы разговариваете. А он сейчас слышит только свой страх.

Вот тут все почему-то замолчали.

Даже советчики.

А это, поверьте, редкое явление.

Монах присел неподалёку от куста.

Не слишком близко.

И не полез к Зайке руками.

Просто сел.

— Зайка, — сказал он.

Тот всхлипнул.

— Я здесь.

Зайка посмотрел на него.

— Не дёргайся пока.

— Я не могу...

— Можешь.

— Колется.

— Знаю.

— Я запутался.

— Знаю.

— Я не выберусь.

Монах покачал головой.

— Сейчас тебе кажется, что не выберешься.

Зайка снова всхлипнул.

— А что делать?

— Пока ничего.

Мама-зайчиха не выдержала.

— Как это ничего?!

Монах поднял на неё глаза.

— Сначала нужно, чтобы он снова смог нас слышать.

Она замерла.

— А потом?

— Потом будем помогать.

— Но ему уже нужна помощь!

— Нужна.

— Так помогите!

Он улыбнулся.

— Мы уже помогаем.

Мама-зайчиха явно была не согласна.

Я её понимала.

Если твой ребёнок сидит в колючем кусте, очень трудно поверить, что спокойный голос тоже может быть помощью.

Хочется действовать.

Хочется немедленно убрать ветки.

Хочется сделать хоть что-нибудь.

Потому что бездействовать страшно.

Только монах и не бездействовал.

Он просто начал **не с куста**.

А с Зайки.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Милый Зайка посмотрел.

— Вот так.

Пауза.

— Хорошо.

Зайка дышал часто-часто.

— А теперь медленно вдохни.

— Не могу.

— Тогда просто выдохни.

Зайка выдохнул.

— Ещё раз.

Снова.

— Вот.

Мама-зайчиха стояла рядом и тоже почему-то начала дышать медленнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.